

Победитель сердец

Веч. Москва - 1997. - 16 мая - с. 6

Неповторимая простота

Ровно 95 лет назад родился С. Я. Лемешев

«Родители мои — Акулина Сергеевна и Яков Степанович, которым тогда вместе от роду было не более пятидесяти лет, поженились без согласия родителей отца. Дед в гневе за то, что сын против его воли взял в жены бедную девушку, бесприданницу, выгнал его из дому, не выделив ни клочка земли. А для безземельного был лишь один удел — батрачество».

(С. Я. Лемешев «Путь к искусству»)

С. Я. Лемешев. Один из последних снимков

— Во всяком случае, я была с ним на равных с самого начала. К моменту нашего знакомства он настолько был избалован женщинами, их доступностью, что у меня возникло подозрение, будто он и не уважал их вовсе. И я дала ему понять, что со мной это не пройдет.

Мы обедали у него в номере. Я взглянула на часы: «Ой, мне пора — у меня на радио репетиция», — и ушла. Он говорил мне потом: «Мне так понравилось, что ты уши не развесила». Он такой же был пунктуальный. У нас столько точек соприкосновения оказалось, поэтому мы и смогли столько лет прожить вместе.

— Вы думаете, поэтому?

— Помимо всего... (смеется).

— Вера Николаевна, а с чего у вас все началось?

— Первое мое впечатление о нем как о певце было в 1936 году. Он давал сольный концерт в нашей Ленинградской филармонии (сейчас она носит имя Шостаковича). Мы все студенты собрались на хорах... Он вышел легкой походкой, очень спокойный, улыбнулся — у него улыбка особенная, обаятельная, — сразу как-то всех очаровал. А когда запел... Тембр у него совершенно замечательный, подражать которому невозможно. Сколько пародисты ни старались, симитировать Лемешева не могли — что-то у него в тембре особенное было, словно заколдованное. И эта его простота... Поэтому я не удивляюсь, что была масса поклонниц и поклонников. Он и в рабочих клубах пел, и по деревням. Помню, в Тверской области, в селе Медное, в церкви был сделан клуб, и он в 1938—1939 годах пел там сольные концерты для крестьян.

Так вот, после того концерта в 36-м году все студенты в него влюбились. А через какое-то время он стал приезжать в Ленинград и петь в Кировском театре и в нашем Малом оперном. И

С. Я. Лемешев в роли индийского гостя. 1949 г.

вот первый «Онегин», и мы встретились. Все пришли в репетиционный зал театра к 11 часам. Ровно в 11 открывается дверь, и входит Лемешев. По нему можно было сверять часы — точ-

В. Н. Кудрявцева-Лемешева

ность была неимоверная. Режиссер говорит: «Вот это наша Татьяна». А Лемешев: «Я так и подумал, что вы — Таня».

— А как случилось, что вы поженились?

— С первого спектакля Сергей Яковлевич просил поставить стул в кулисы и стал слушать мое пение. Наша одевавшаяся тетя Шура сообщила мне доверительно: «Я вашему любимому опять стул за сцену ставила — уж не приворожили вы его?». Он стал приходить ко мне в примерную: «Как вы себя сегодня чувствуете?». Я в ответ: «Вам же тоже в первой картине выходить и уже давно гримироваться пора...». Я чувствовала, что у него что-то происходило в душе, какой-то кризис — он все время метался. И вот однажды на «Евгении Онегине» — я, как всегда, слушала сцену дуэли — его все время вызывали, успех был ошеломляющий, а он около меня стоит и на поклоны не выходит. Я говорю: «Сергей Яковлевич, вам надо идти». «Подождают... Неужели вы не понимаете, что я из-за вас здесь? Я давно мечтал о такой женщине, как вы».

— Это и было объяснением, во время спектакля за кулисами?

— В общем, да...

— Вера Николаевна, двадцать лет вы храните память. Что для вас входит в это понятие?

— Сергей Яковлевич для меня — огромное событие. Это человек, который заполнил всю мою судьбу: и творческую, и человеческую. У меня до сих пор такое ощущение, что вот открывается дверь, и он войдет...

— А какой-нибудь эпизод особый помните?

— В деревне он учил меня стрелять. Когда ружье пальнуло, я от неожиданности выронила его. Он поднял ружье, почистил: «А еще Ворошиловский стрелок! Смотри!» — и выстрелил туда, где в густой кроне сосны что-то краснелось, а мы никак не могли понять, что. И упал дятел. Как Сергей Яковлевич расстроился! Он только что не плакал. Ведь он хорошо знал птиц, узнавал их по голосам и даже разговаривал с ними. Посвистит — и вдруг птичка ему отвечает.

Перед смертью Сергея Яковлевича мне пришлось, что я несу ребенка на руках, но это не мой сын, а Сергей Яковлевич. И он все время выскальзывает из моих рук, а я все время стараюсь его удержать — и просыпаюсь вся в поту. Раза два он у меня не выскальзывал, а на третий раз он падает в рост и оказывается это Сергей Яковлевич. Я проснулась, сжалась вся, но ему ничего не рассказала.

— А перед кем преклонялся Сергей Яковлевич?

— Очень высоко ценил искусство Собинова и Шаляпина. Он слышал четыре последних концерта Федора Ивановича, успел посмотреть его в «Русалке». Сцена сумасшествия Мельника его совершенно потрясла. Однажды я возвращаюсь и вижу: сидит Сергей Яковлевич и руками разводит, точно улететь собрался: «Я не мельник, говорит, я — ворон. Когда я увидел Шаляпина-мельника, всего в муке, подумал, это ж мой дед, когда на мельнице бывал. Какой же он артист! Когда же он запел, чувствую, у меня одна слезинка выкатывается, другая...».

— За 27 лет супружества были какие-то конфликты?

— Нет, не было. Да и не могли мы долго сердиться друг на друга. Он был отходчивый, если же бывал неправ, то всегда потом это признавал. В случае мелких ссор я отправляла его погулять на Тверской бульвар — «пенсией стрит», как он говорил. Его там всегда поклонницы ловили. Однажды приходит: «Мне уже за семьдесят, а девчонка в любви объясняется. Ну что ты скажешь...».

— И что вы сказали?

— Что он обречен побеждать женские сердца.

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Фото из архива

В. Н. Кудрявцевой-Лемешевой и Юрия КОЧЕТКОВА. Концерн «ВМ»